
**«РУССКИЙ ЛАФОНТЕН»
(К ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ ДМИТРИЕВА)**

Н. Д. Кочеткова

В своем обстоятельном исследовании «И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века»¹ на обширном материале В. Э. Вацуро блестяще проанализировал позицию поэта, занятую им в спорах между шишковистами и карамзинистами, непосредственно коснувшихся и его собственного творчества. Эти споры развернулись, когда Дмитриев уже снискал славу «русского Лафонтена», что особенно раздражало его литературных противников, особенно таких как П. И. Голенищев-Кутузов и Д. И. Хвостов.

Известность Дмитриева, как принято считать, началась с «Московского журнала» (1791–1792) Н. М. Карамзина, где были опубликованы многие его стихи, в том числе знаменитые стихотворные сказки «Модная жена», «Картина», песня «Стонет сизый голубочек» и др. Однако писать стихи Дмитриев начал задолго до этого: в своих мемуарах он сообщал: «С семьсот семьдесят седьмого года начались первые мои опыты в рифмовании, мне совестно сказать, в поэзии. <...> Все они брошены в огонь, коль скоро я узнал о их неправильности»². Поэт стыдился своей первой публикации, «Надписи князю Антиоху Дмитриевичу Кантемиру», появившейся в издававшихся Н. И. Новиковым «Санктпетербургских ученых ведомостях» (1777. № 15). А. И. Дмитриев укорял младшего брата за то, что, обращаясь к французским авторам, он «прилепился к ветреному Дорату»

¹ Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век : сб. 16 : Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 139–179.

² Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // И. И. Дмитриев. Сочинения : в 2 т. / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2. С. 18.

(Л.-Ж. Дора) и называл брата «невеждою или жалким рифмокропателем»³. Тем не менее И. И. Дмитриев продолжал писать стихи и даже рассылал их в разные журналы, не ставя подписи. Случайно он услышал уничижительный отзыв о своих стихах «Идиллия» и «Стихи на кончину доктора Вира», напечатанных в журнале П. А. Плавильщикова «Утра» (1782). На поэта этот отзыв произвел настолько сильное впечатление, что он решил хранить свои стихи «до времени под спудом». Тем не менее они становились известны его знакомым литераторам, в частности П. Ю. Львову. Важным свидетельством является письмо Дмитриеву, предпосланное «сельской повести» П. Ю. Львова «Роза и Любим», опубликованной в 1790 году. Фамилия поэта была скрыта под легко узнаваемым псевдонимом: «И. И. Д. и. р. в.». Львов писал: «Нежный Д. и. р. в.! Желаю я, чтобы в деревенской моей *Розе* нашел ты простоту, приятность, нехитрый ум, чувствительность и вкус и чтобы она в глазах твоих так же блистала сими природными сокровищами, как в прекрасных стихах твоих дышат нежностью *Прелесты* и *Пленеры*, чувствованиями твоими одушевленные»⁴. Говоря далее о публикуемой повести и вышедшей годом раньше «Российской Памеле»⁵, Львов обращался к Дмитриеву как к своему единомышленнику, чтобы защититься от упреков в подражании: «Ты, любезный и почтенный Д. и. р. в. достойный сын России, верно, одинакого со мною мнения, и для того к тебе сие пишу, что чувствительное сердце твое, усердием к отечеству горящее, с восторгом почувствует мою справедливость и потом будет прилежным судьей моих слабых трудов. <...> Некоторые читатели, судившие *Российскую Памелу*, в которой видны и робость моя, и несовершенство, и стремительное желание подражать достохвальным писателям, в чем ты весьма успеваешь, говорят, что я в иных местах писал не свое, а принадлежащее сим творческим умам <...>». Закljučая письмо, Львов называет Дмитриева не только другом, но и наставником: «Почтенный друг, ты найдешь в моих трудах погрешности, отнеси оные к моей робости и удостой меня твоими примечаниями. Вкус твой и нежность будут мне служить примером для будущих моих упражнений, будут мне воспоминать, кому я за успехи мои обязан, и усугубят ту преданность, кою исполнен.

Тебе покорный слабый сочин<итель> Российской Памелы

³ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 20.

⁴ Львов П. Ю. Роза и Любим. Сельская повесть. СПб., 1790. С. VII. Текст письма Дмитриеву с небольшими неточностями перепечатан в кн.: Русская сентиментальная повесть / Сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. П. А. Орлова. М., 1979. С. 33–34.

⁵ Львов П. Ю. Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки. СПб., 1789. Ч. 1–2. Среди подписчиков на это издание названо имя И. И. Дмитриева.

Р. С. Приношу мою чувствительную благодарность за стихи, коими ты меня удостоил. Наставники обыкновенно похваляют учеников своих для того, дабы усугублять их к трудам рачение и тем соделывать их толико же совершенными, колико они сами»⁶.

Известно, что очень скоро, вероятно, не без влияния Карамзина Дмитриев изменил свое отношение к Львову, который впоследствии примкнул к его литературным противникам⁷. Но в 1790 году он надеялся найти в Дмитриеве покровителя на литературном поприще. В том же году предпримчивый Львов обращался с лестными посвящениями и к Г. Р. Державину, и к Д. И. Фонвизину, авторитет которых в литературном мире был уже упрочен. Державину он посвятил свой перевод сочинения А. Попа «Храм славы», а Фонвизину – собственное произведение «Храм истины, видение Сизостриса, царя египетского». Дмитриев оказывался, таким образом, одним из трех наставников молодого автора, наставником, мнением которого дорожили: он как бы приравнивался к самым маститым писателям.

По запискам Дмитриева известно, что именно Павел Львов ввел Дмитриева в дом Державина. В одном из первоначальных вариантов статьи П. А. Вяземского, предварившей 6-е издание стихотворений поэта⁸, содержится интересное упоминание, которое не вошло в окончательный текст статьи. Вспоминая о посещении Дмитриевым дома Державина, Вяземский писал: «Здесь познакомился он и с литераторами, первенствующими тогда на русском Парнасе, Львов (Н. А.), оставивший несколько приятных стихотворений, был один из ободрителей возникающего его дарования; в этом обществе прочел он первый опыт свой в переводе басен Лафонтена, и предсказали ему блестящие успехи в сем роде. Такое предсказание приносит честь прозорливости и верности вкуса судей, а поощрение еще более чести беспристрастию приверженцев и друзей Хемницера»⁹. Это свиде-

⁶ Львов П. Ю. Роза и Любим ... С. XI.

⁷ См.: Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века ... С. 145–147.

⁸ Вяземский П. А. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // И. И. Дмитриев. Стихотворения. СПб., 1823. Ч. 1. С. 1–LII.

⁹ Цит. по: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский : Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 88. М. И. Гиллельсон опубликовал этот текст по рукописи, хранящейся в РГАЛИ (Ф. 195. Оп. 1. № 1025). Этот же отрывок находится и в другой рукописи начального варианта статьи Вяземского, хранящейся в ИРЛИ (Ф. 309. № 1100. Л. 7 об.). В рукописи не указан ни автор, ни название статьи, ни дата.

тельство интересно в нескольких отношениях. Во-первых, показательно, что Дмитриев выбирает для своего выступления перед взыскательными знатоками свой перевод басни Лафонтена. Во-вторых, знатоки не просто одобряют его, но предсказывают поэту «блестящие успехи» именно в этом жанре. Наконец, в-третьих, опыт Дмитриева получает одобрение, несмотря на то, что он как бы вступает в соревнование с И. И. Хемницером, уже признанным баснописцем и другом знатоков.

Если Хемницер ориентировался преимущественно на басенный опыт Х.-Ф. Геллерта, то Дмитриев – на французскую традицию, связанную прежде всего, конечно, с именем Ж. Лафонтена. В русской литературе уже был Пиндар и «наших стран Малерб» – Ломоносов¹⁰, Расин – Сумароков¹¹, Мольер – Фонвизин, Гомер – Херасков, Гораций – Державин, но имя русского Лафонтена не удержалось ни за Сумароковым, ни за Херасковым¹², несмотря на популярность басенного жанра. Дмитриев избрал эту роль, и выбор получил признание, хотя и не сразу.

В стихотворном «Письме к И. И. Д<митриеву>», опубликованном в первой книге «Аонид» (1796), В. Л. Пушкин уподоблял поэта не Лафонтену, но Анакреону:

Так ты, любезный наш певец,
Вслед шествуя Анакреону,
От граций получил венец¹³.

¹⁰ См.: Кузнецов В. А. Поэтические уподобления в русской литературе XVIII в.: к вопросу о персонифицированности классицистического эстетического сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1993. Вып. 1. С. 73–78. (Серия 2. История. Языкознание. Литературоведение).

¹¹ Почитатели Сумарокова, признавая его «русским Расином», уподобляли его и другим знаменитым французским авторам. Для В. И. Майкова он был «Расин, де Лафонтен, Кино со Молиером» (Майков В. И. Избранные произведения / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. А. В. Западова. М.; Л., 1966. С. 284). Французский историк П.-Ш. Левек в своей «Истории России» (Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. Hamburg–Brunswick, 1800. Т. 5. P. 148–149) высоко отзывался о баснях Сумарокова, считая, что им можно противопоставить только басни Лафонтена. Это суждение привел В. К. Кюхельбекер в статье «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» (1817). См.: Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подготовили М. Г. Альтшуллер, Н. В. Королева. Л., 1979. С. 434.

¹² В стихотворении «Станс к его превосходительству милостивому государю Михайлу Матвеевичу Хераскову» И. Ф. Богданович попытался представить Хераскова классиком разных жанров, в том числе и басенного: «Пильпаи, Федры, Лафонтены тебе могли бы подражать» (Собеседник любителей российского слова. 1784. Ч. 13. С. 3).

¹³ Аониды. 1796. Кн. 1. С. 92.

Однако после появления в 1804 году «Анакреонтических песен» Державина с его именем стало связываться представление не только о русском Горации, но и о русском Анакреоне. Дмитриев же стал представать как непревзойденный автор басен и стихотворных сказок, последователь и даже соперник Лафонтена. Две из семи сказок Дмитриева и двенадцать из сорока восьми его басен – это вольные переводы и переложения Лафонтена. В басне «Желания» (1797) русский автор шуточно подчеркивал свою зависимость от Лафонтена:

Сердися Лафонтен иль нет,
А я с ним не могу расстаться.
Что делать? Виноват, свое на ум нейдет,
Так за чужое приниматься¹⁴.

Называя Дмитриева «русским Лафонтеном», современники имели в виду уже не столько его переводческое мастерство, сколько равновеликость его таланта таланту французского баснописца. П. И. Макаров писал в рецензии на 3-е издание «Сочинений и переводов» Дмитриева: «Кто не знает русского Лафонтена? Кто не читал книги его под скромным названием безделок?» Рецензент продолжал: «Разноцветная живопись, верное подражание натуре, гармония стихов, обилие в мыслях, строгий вкус, легкие приятности и благородная простота составляют главные достоинства поэзии г. Дмитриева. Он прославился баснями и сказками; но его лирические сочинения делают ему столько же чести»¹⁵.

Как отмечал В. Э. Вацуро, анализируя полемику 1805–1806 годов, литературных противников Дмитриева особенно задело, что «поэту присвоили в Москве название русского Лафонтена». В феврале 1805 года негодовавшего на это Д. И. Хвостова успокаивали: «Ну, так что ж? Пусть Дмитриев будет нашим Лафонтеном, а ты – нашим Езопом»¹⁶.

Несмотря на выступления, задевавшие Дмитриева, его авторитет продолжал укрепляться. Весной 1806 года, то есть в разгар полемики, начинающий тогда поэт А. Х. Востоков, польщенный благожелательным отзывом Дмитриева о его первом сборнике, написал поэту пространное письмо, в котором рассуждал, почему именно Дмитриеву нужно «приписать имя русского Лафонтена». Этого «лестного имени» не заслуживал, по мнению

¹⁴ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. С. 220. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

¹⁵ Московский Меркурий. 1803. Октябрь. С. 56–57.

¹⁶ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 22. См. также: Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века ... С. 151.

автора письма, ни Хемницер, ни Сумароков, который «благодаря общей бедности, долго похищал сие и другие почтенные титула»¹⁷. В 1808 году И. М. Борн в «Кратком руководстве к российской словесности» вслед за Макаровым вопрошает: «Кто из русских не читал басен и сказок Дмитриева?»¹⁸

В том же году С. Н. Марин дважды публикует свой перевод «2-й сатиры Буало. К Мольеру»¹⁹, в котором имена французских поэтов заменены русскими. Главным законодателем безупречного литературного вкуса выступает Дмитриев – «Любимец нежных муз, питомец Аполлона, / Блюститель истинный Парнасского закона». Марин повторил прием И. П. Елагина, который использовал эту же сатиру Буало в своей «Эпистоле», обращенной к А. П. Сумарокову и вызвавшей бурную литературную полемику 1753 года. «Эпистола» Елагина, известная также под названием «Сатира на петиметра и кокеток», распространялась в списках, и вполне вероятно, что она была известна Марину. Сумароков у Елагина предстал как образцовый поэт, у которого следует учиться:

Благий учитель мой, скажи, о Сумароков!
 Где рифмы ты берешь – ты мне не объявил,
 Хоть к стихотворству мне охоту в сердце влил.
 Когда сложенные тобой стихи читаю,
 В них разум, красоту и дивность обретаю;
 И вижу, что ты, их слагая, не потел,
 Без принуждения писал ты, что хотел;
 Не вижу, чтобы ты за рифмою гонялся
 И, ищучи ее, работал и ломался;
 Не вижу, чтоб искав, сердился ты на них:
 Они, встречаяся, кладутся сами в стих²⁰.

Марин использует тот же прием, адресуя все похвалы Дмитриеву:

Скажи, о Дмитриев! Где рифмы ты находишь?
 Как можешь без труда приятно так писать
 И мысли с легкостью столь ясно выразать?

¹⁷ Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке. СПб., 1873. С. XX.

¹⁸ Борн И. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808. С. 160.

¹⁹ Драматический вестник. 1808. № 23. С. 187–191; отд. изд.: Сатиры, взятые из Буало. СПб., б. г.

²⁰ Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2. С. 372. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Читав твой стих, всяк должен согласиться,
Что рифма под перо сама собой ложится. <...>²¹

Следуя тексту Буало, поэты используют его в своей литературной борьбе. Дмитриев противопоставляется Сумарокову как глава новой школы, законодатель нового вкуса и новый образцовый поэт.

Рассматривая представления русских писателей о литературном труде, С. И. Николаев показал, что на рубеже XVIII–XIX веков появилась «оппозиция ”грузеник – гений“», связанная с противопоставлением науки и таланта: «”потенющий“ за столом писатель стал синонимом литературного поденщика»²². Этот образ возникает и в знаменитой сатире Дмитриева «Чужой толк» (1794), высмеивающей бездарных одописцев. Они долго и мучительно трудятся, в отличие от талантливых авторов, которые пишут «резвьясь»:

Ведь наш начнет писать, то все забавы прочь!
Над парюю стихов просиживает ночь,
Потеет, думает, чертит и жжет бумагу;
А иногда берет такую он отвагу,
Что целый год сидит над одою одной!²³

Дмитриев метил не в Сумарокова, которого он ценил. Известно, что с ним была знакома мать Дмитриева, он с детства знал его стихи и позднее писал о том, что его образцами были Сумароков и Херасков²⁴. Между тем Марин, утверждая незыблемость авторитета Дмитриева, далее противопоставляет Сумарокову Княжнина, а Хвостову, который в 1804 году перевел эту же сатиру Буало, Хераскова:

Коль ненавистника хочу назвать пороков,
Мне ум твердит Княжнин, а в стих идет Сумброков.
Когда ж с Омиром я сравнить кого готов,
Херасков на уме, а под пером Графов²⁵.

²¹ *Марин С. Н.* Полное собрание сочинений. М., 1948. С. 119.

²² *Николаев С. И.* Образ писателя и эстетика творчества в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век : сб. 24. СПб., 2006. С. 95.

²³ *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений ... С. 113.

²⁴ *Дмитриев И. И.* Взгляд ... С. 19.

²⁵ *Марин С. Н.* Полное собрание сочинений ... С. 119.

Дмитриев, которому адресована сатира, предстает как образцовый автор, пришедший на смену тому времени, когда литературным вождем и законодателем вкуса был Сумароков²⁶.

Иначе обстояло дело при сопоставлении поэзии Дмитриева и Ломоносова. В дальнейших литературных спорах и откликах, сопровождавших новые издания «Сочинений и переводов» Дмитриева, утверждается представление о нем как «классическом поэте», чуть ли не равном по своей роли Ломоносову. Такое определение дает А. Ф. Воейков в рецензии на 3-е издание 1810 года, ставя имя Дмитриева рядом с именем Ломоносова. Рассуждая о трудности подбора хороших рифм, рецензент находит у Дмитриева «сладогласие и правильность выражений», отличающие его стихи, которые «сами собою наизусть затверживаются»²⁷. Откликаясь на 5-е издание 1818 года, А. Е. Измайлов повторяет определение «классический поэт». Критик так обосновывает свою оценку: «Н. М. Карамзин первый дал нам образцы, как должно писать в прозе, а И. И. Дмитриев – в стихах. Были у нас до него очень хорошие и великие поэты; но не было ни одного хорошего и настоящего версификатора»²⁸.

Похвалы наивысшей степени встретили 6-е издание 1823 года, «исправленное и уменьшенное», сопровождаемое блестящей статьей П. А. Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева». Анализируя его басни, критик выделил самое главное их достоинство: «Нет сомнения, что поэт наш более всех породнился с своими подлинниками; но достоинство его заключается не в том, что он не отступает от Лафонтена и Флориана и удачно подражает их красотам, а в том, что он у нас превосходит и что красоты стихов его, правильных, изящных и живых, суть красоты на языке нашем образцовые»²⁹. Вяземский рассматривает творчество Дмитриева как важный этап в развитии русской поэзии, как образец нового времени, противостоящий образцам, созданным Ломоносовым и Сумароковым. Ни к Державину, ни к Крылову невозможно было применить определение «классический поэт». Таким поэтом оставался в глазах Вяземского и многих его современников именно Дмитриев как создатель и законодатель новой литературной нормы, обновитель литературного языка.

²⁶ См.: Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. М., 1989. С. 120.

²⁷ Цветник. 1810. № 10. С. 109, 129.

²⁸ Благонамеренный. 1819. № 3. С. 194–198.

²⁹ Вяземский П. А. Сочинения : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 70.

«Друг вкуса, верный страж Парнасского закона»³⁰, – так назвал Вяземский поэта в «Послании к И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои сочинения» (1823).

Взыскательность автора, не хотевшего включить в 6-е издание многие свои произведения, которые уже приобрели известность (в их числе «Чужой толк»), поразила многих его почитателей. Повторяя определение «классический поэт», А. Ф. Воейков выделял главные, с его точки зрения, достоинства поэзии Дмитриева:

Хвала, наш Дмитриев! Ты в оде, песне, сказке
По плану, ходу пьес, завязке и развязке,
По строгой верности и слога чистоте,
Игривости ума, огню и остроте –
Классический поэт! Ты смел без напряжений;
Блистателен, но прост; изящный вкус – твой Гений³¹.

Возвращаясь к ранее высказанному им мнению, Воейков тоже развивает мысль о Дмитриеве как главе литературной школы, наставнике. Молодой автор должен ориентироваться на его творчество как на непревзойденный образец: «У кого будет учиться этим законам тонкого вкуса, этой правильности в выражении, этой строгой точности и нежной разборчивости в употреблении слов? У Ломоносова и Дмитриева»³². Вновь ставя рядом два этих имени, критик стремится подчеркнуть значение поэзии Дмитриева для развития русского литературного языка и версификации на новом этапе, уподобляя его роль роли Ломоносова.

Современники не только признают Дмитриева «русским Лафонтеном», но считают, что поэт, «переводя Лафонтена и Флориана, нередко исправляет их погрешности» (А. Ф. Воейков)³³, говорят о нем как о «совместнике Лафонтена»³⁴. П. И. Шаликов называл Дмитриева «нашим единственным Лафонтеном, истинным соперником баснописца французского»³⁵. Н. Ф. Грамматин в надписи к портрету Дмитриева писал:

³⁰ Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 64. (Литературные памятники).

³¹ Новости литературы. 1824. № 3. С. 33.

³² Там же. С. 40.

³³ Там же. С. 120.

³⁴ Русский вестник. 1810. Ч. 12. № 10. С. 126.

³⁵ Московский зритель. 1806. № 6. С. 42.

Он вкуса образцом на Пинде русском стал:
В нем скромный Лафонтен соперника венчал³⁶.

Но если Д. И. Хвостов не мог быть конкурентом Дмитриева, то талант Крылова «русский Лафонтен» распознал сразу и при этом способствовал публикации первых крыловских басен в 1806 году в журнале «Московский зритель». По известному свидетельству М. Е. Лобанова, Дмитриев сказал тогда Крылову: «Это истинный ваш род, наконец, вы нашли его»³⁷. Слова удивительным образом напоминают то, что было сказано самому Дмитриеву в львовско-державинском кружке. Дмитриев как бы передает эстафету Крылову, продолжая оставаться «русским Лафонтеном».

Александр Тургенев в 1809 году в письме брату Николаю замечает о баснях Крылова: «...между ними есть очень хорошие и смешные; но он не Дмитриев»³⁸. Образцовым поэтом, наставником для молодого поколения, «русским Лафонтеном» признавался по-прежнему Дмитриев. С. Н. Марин в шуточных «Стихах экспромту И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои басни в первый день поста» (1810) писал:

Я счастием моим по чести удивлен,
Лишь привело меня в печаль сухояденье,
Как вдруг ко мне в уединенье
Явился русский – Лафонтен³⁹.

В. Л. Пушкин в послании «К графу Ф. И. Толстому», перечисляя имена его гостей, так называет Дмитриева: «Почтенный Лафонтен, наш образец, учитель»⁴⁰. К. Н. Батюшков в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (1816) выделяет «остроумные, неподражаемые сказки Дмитриева, в которых поэзия в первый раз украсила разговор лучшего общества, послания» и «басни его, в которых он боролся с Лафонтеном и часто побеждал его»⁴¹.

Дмитриев, очевидно, очень дорожил именем «русского Лафонтена». Его задело, когда это имя начало применяться к Крылову. В письме Д. Н. Блудову от 2 апреля 1819 года, опубликованном А. А. Ильиным-

³⁶ Грамматин Н.Ф. Стихотворения Николая Грамматина. СПб., 1829. Ч. 1. С. 33.

³⁷ И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 60.

³⁸ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 388.

³⁹ Марин С. Н. Полное собрание сочинений ... С. 150.

⁴⁰ Пушкин В. Л. Сочинения. СПб., 1893. С. 88.

⁴¹ Батюшков К. Н. Сочинения. СПб., 1885. Т. 2. С. 241.

Томичем, поэт иронически сообщал: «Недавно я читал в М^{осковских} Ведомостях объявление о новом и полном издании басен Крылова, *любимейшего* нашего *Лафонтена*. Так изъясняется об нем российский книгопродавец»⁴². Крылов, как вскоре показал А. С. Пушкин, не нуждался уже в этом имени, лестном для Дмитриева, которое долго еще оставалось за ним.

Осуществленный С. Н. Глинкой перевод «Избранных Лафонтеновых басен», сохранившийся в недатированной рукописи, был посвящен Дмитриеву. Приведем текст этого посвящения:

Его высокопревосходительству милостивому государю
Ивану Ивановичу Дмитриеву
Усерднейшее приношение

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь.

В изъявление душевной благодарности за постоянное Ваше ко мне благоволение осмеливаюсь украсить именем Вашим перевод мой избранных Лафонтеновых басен. Беседуя с Лафонтеном, мне казалось, что беседую с Вами. Сия мысль и свойственная Вам благосклонность подкрепили меня в труде, для меня новом и непривычном.

С глубочайшим почтением, честь имею быть Вам, Ваше высокопревосходительство!

Преданнейший слуга Сергей Глинка⁴³.

Юный А. С. Пушкин, очевидно, не без влияния своих старших друзей вначале считал поэзию Дмитриева «образцом слога» («Послание к В. Л. П^{ушкину}», 1817). Как известно, критический отзыв «русского Лафонтена» о поэме «Руслан и Людмила» не только задел автора, но и несколько поколебал авторитет самого Дмитриева. Друзья Пушкина, по видимому, стремились смягчить его неблагоприятное впечатление от отзыва. Когда в 1822 году появился «Кавказский пленник», В. Л. Пушкин написал Вяземскому: «Вот что пишет наш Лафонтен к нашему Ливию <Карамзину>: ”Вчера я прочитал одним духом Кавказского пленника и от всего сердца пожелал молодому поэту долгие лета! Какая надежда! При самом начале уже две собственные поэмы, и какая сладость стихов! Все живопись, чувство и остроумие!” Признаюсь, что прочитав это письмо, я про-

⁴² Ильин-Томич А. А. «И мои» письма И. И. Дмитриева к Д. Н. Блудову // Новые безделки : сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1995–96. С. 472.

⁴³ РГБ. Ф. 178. Музейное собр. 1663. Ч. 1. Л. 4.

слезился от радости»⁴⁴. В. Л. Пушкин, очевидно, надеялся, что через Вяземского эти похвалы дойдут до автора «Кавказского пленника»; не исключено даже, что добродушный Василий Львович сам приложил руку к восторженному отзыву.

Несмотря на решительную полемику А. С. Пушкина с Вяземским из-за недооценки последнего басен Крылова, контакты поэта с Дмитриевым продолжаются: они сохраняют взаимное уважение, бывают друг у друга, обмениваются письмами⁴⁵. Пушкин ценит рассказы Дмитриева, используя их в своих сочинениях; 14 июня 1836 года, благодаря Дмитриева за участие в связи со смертью матери, Пушкин пишет ему: «Дай Бог вам здоровья и многие лета! Переживите молодых наших словесников, как ваши стихи переживут нашу молодую словесность»⁴⁶.

Дмитриев перестал быть непререкаемым авторитетом для следующего поколения, которое уже не нуждалось в образцах. Но он достойно завершил важнейшие достижения русской поэзии XVIII столетия, творчески воспринявшей лучшие традиции европейской литературы и обогатившей ими отечественную словесную культуру. В стихотворении «Дом Ивана Ивановича Дмитриева» (1860), написанном Вяземским уже на склоне лет, предстает обаятельный портрет поэта и человека:

Он в свете был министр, а у себя поэт,
Отрекшийся от всех соблазнов и сует <...>
Он ум отыскивал, талант разублаждал.
И где их находил – там, радуясь успеху,
Не спрашивал: каких чинов они иль цеху?
Но настежь растворял и душу им и дом⁴⁷.

⁴⁴ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 2-е изд. Л., 1991. С. 323.

⁴⁵ См.: Сукайло В. А. Труды и дни Ивана Дмитриева : в 2 кн. М.; Ульяновск, 2010. Кн. 1 : Хроника; по указателю.

⁴⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М., 1949. Т. 16. С. 126. № 1212.

⁴⁷ Вяземский П. А. Стихотворения / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; сост., подготовка текста и примеч. К. А. Кумпан. Л., 1986. С. 361–362. (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ (1760–1837)
ЖИЗНЬ. ТВОРЧЕСТВО. КРУГ ОБЩЕНИЯ

Чтения Отдела русской литературы XVIII века

Выпуск 6

Санкт-Петербург

2010

УДК 882(09)

ББК 83

В 76

Серия «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред. А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова [Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Выпуск 6]. – СПб., 2010. – 244 с.: ил.

Редакционный совет серии:

член-корр. РАН В. В. Окрепилов (*председатель*),
член-корр. РАН В. Е. Багно, член-корр. РАН И. И. Елисеева,
к. и. н. Е. А. Иванова (*ученый секретарь*), академик Н. Н. Казанский,
д. филос. н. Э. И. Колчинский, академик А. В. Лавров, д. п. н. В. П. Леонов,
член-корр. РАН И. П. Медведев, д. и. н. В. Н. Плешков,
академик И. М. Стеблин-Каменский

Редакторы сборника:

А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-04-14065 г)*

ISBN 978-5-86763-246-5

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2010

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2010